

©

Петрова О.Л.
ИБ РАН

ПОЛОЖЕНИЕ КИТАЙСКОГО МЕНЬШИНСТВА в ИНДОНЕЗИИ в СВЕТЕ ИНДОНЕЗИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Китайская диаспора в Индонезии является одним из самых крупных зарубежных китайских сообществ. Она занимает важное положение в социально-экономической структуре страны. Однако в силу комплексных явлений индонезийской действительности национально-этнические конфликты занимают заметное место в современном обществе. Основными причинами антикитайских настроений можно назвать следующие представления о китайцах у основной массы индонезийского населения:

- 1) Китайцы – немусульмане;
- 2) Китайцы – тайные агенты, работающие на благо КНР;
- 3) Китайцы господствуют на рынках и несут ответственность за все, что происходит в экономике страны, включая благосостояние населения.

И если второй фактор наиболее явно проявлял себя в 1960-х гг., то два других актуальны и по сей день. Большинство нападений на этнических китайцев осуществляется мусульманскими организациями или под лозунгами ислама. Как и у общества в целом, неприязнь таких организаций к этническим китайцам носит комплексный характер и часто переплетается с пунктом три. В 1990-х гг. переплетение антикитайских и антихристианских настроений укрепилось. В 1996 г. в Ситубондо, Восточная Ява, были разрушены 27 церквей и один китайский храм после того, как местные мусульмане посчитали вынесенный судом приговор по делу о богохульстве слишком мягким. А в 1997 г. на Западной Яве, в городе Ренгасденгклок, антикитайский погром разразился после того, как местный китаец в грубой форме выразил протест против шума барабанов в местной мечети, которые должны были разбудить верующих на трапезу до восхода солнца во время месяца Рамадан. Помимо

разрушенных в итоге десятков магазинов этнических китайцев, разгромленных жилых домов, церквей и храмов, китайца приговорили к 3,5 г.м тюремного заключения за богохульство. Антикитайские движения, сопровождаемые погромами, превратились в некое ритуальное действие, для которого достаточно всего одной искры.

Последний фактор со временем становится только заметней. Китайцам не могут простить их экономического превосходства.

Хотя индонезийские китайцы составляют около 3-6% населения Индонезии, они являются доминирующей силой в экономике. В настоящее время нет статистических данных, но, по данным газеты «The Jakarta Globe», в 1995 г. в докладе аналитического отдела департамента иностранных дел и торговли Восточной Азии (East Asia Analytical Unit Department of Foreign Affairs and Trade) было подсчитано, что китайские индонезийцы владеют 68% из 300 крупнейших конгломератов в стране¹.

Возможно, это не означает, что китайские индонезийцы контролируют почти 70% экономики Индонезии, но их доля значительна и статистически несоизмерима с их численностью. Это вызвало возмущение, а в некоторых случаях негодование со стороны остального населения страны, явление, часто упоминавшееся во время правления президента Сухарто (1966-1998 гг.) как «социальная зависть».

Фактор «социальной зависти» сохраняется и сегодня. В некотором роде он принял новую форму, учитывая, что после падения Сухарто китайским индонезийцам было дано разрешение на выражение своей культуры и самобытности, и поэтому они стали более заметными, чем когда-либо.

На пленарном заседании функционеров Надхатул Улама (НУ) в июле этого г. бывший министр и мусульманский ученый профессор Рокхмин Дахури (Rokhmin Dahuri) в своем выступлении сказал: «Факт остается фактом: хотя мусульмане составляют 87% населения страны, они контролируют лишь 12% экономики Индонезии»². Это заявление отражает разочарование многих мусульман Индонезии, поскольку они видят, что самый большой кусок «экономического пирога» по-прежнему ускользает от них.

Вместе с тем, нет оснований полагать, что мусульмане вытесняются из экономического сектора китайскими индонезийцами. В последнее десятилетие виден значительный рост мусульманского предпринимательства в Индонезии, особенно среди молодежи. Например, Сандиага Салахудин Уно. Когда компания в США, где он работал вице-президентом, обанкротилась, С. Уно решил вернуться на родину и основал PT Recapital Advisors – консалтинговую компанию для предпринимателей, а позже он выступил в роли сооснователя одной из ныне крупнейших инвестиционных компаний в Индонезии Saratoga Capital. В 2009 г. его удостоили 29-м местом в рейтинге самых богатых людей Индонезии по версии Forbes. Эрик Тохир – индонезийский бизнесмен. Является основным владельцем американского футбольного клуба (ФК) D.C. United и индонезийского ФК Persib Bandung³.

Суси Пуджиастути – индонезийская предпринимательница и государственный деятель, министр по делам водных ресурсов и рыболовства Индонезии (с 2014 г.). Владелец компании по экспорту морепродуктов PT ASI Pudjiastuti Marine Product, а также чартерной авиакомпания PT ASI Pudjiastuti Aviation, более известной как Susi Air. Начала карьеру предпринимателя, став дистрибьютором морепродуктов на рыбном аукционе в Пангандаране.

Вице-президент Юсуф Калла был генеральным директором NV Hadji Kalla, и генеральным директором дочерних компаний предприятий. Компания NV Hadji Kalla расширилась и стала предлагать услуги в таких сферах, как гостиничный бизнес, строительство, продажа автомобилей, морские перевозки, недвижимость, транспорт, телекоммуникации, также у компании появились фермы по выращиванию креветок.

И, разумеется, сам нынешний президент Джоко Видодо, который начал свою карьеру с мелкого мебельного бизнеса, а к началу 2000-х годов руководил крупной древесинно-мебельной фирмой. И в ходе его президентской избирательной компании в 2014 г. ходили слухи, что он является скрытым христианином китайского происхождения и марионеткой Пекина, но, несмотря на это он выиграл выборы⁴. Отметим, что еще раньше, во время президентской компании Мегавати Сукарнопутри, ве-

лись жаркие споры о том, может ли женщина быть президентом?⁵

Одной из причин, по которой китайские индонезийцы доминируют в экономическом секторе, было то, что они сталкивались там с меньшим количеством препятствий как до, так и во время 32-летнего правления Сухарто. Второй же причиной было то, что они чувствовали себя в экономике, как рыбы в воде, обладая природными инстинктами, крепкой хваткой и связями. Поэтому им довольно легко давались такие области, как бизнес и торговля.

Профессор Баскара Т. Вардайя, профессор университета Саната Дхарма (Sanata Dharma University) в Джокьякарте, который изучает роль Холодной войны в истории Индонезии, сказал следующее: «Сухарто использовал внутренние элементы, которые уже существовали, например, некоторые антикитайские настроения, а также геополитическую ситуацию и предполагаемую угрозу коммунизма, чтобы выработать свою политику в отношении местного китайского населения. Но это была дискриминация с неравномерными результатами: индонезийским китайцам фактически запретили участвовать в общественной жизни, в политике и армии, а их детям было трудно поступать в государственные школы или университеты. В то же время Сухарто полагался на влиятельных китайских бизнесменов для строительства экономики, и многие из них стали очень богатыми, в то время как обычные китайские граждане остались позади»⁶.

В 1998 г. по всей стране вспыхнули антикитайские беспорядки, поскольку цены на основные потребительские товары резко подскочили, и в этом кризисе страны население обвинило бизнесменов из группы меньшинства. Многие предприниматели китайского происхождения тогда покинули Индонезию.

С начала 1999 г. китайские погромы прекратились, а в выступлениях высших должностных лиц Индонезии зазвучали призывы к китайцам принять участие в восстановлении экономики страны. Президент Бахаруддин Юсуф Хабиби инициировал кампанию по возврату этнических китайцев в Индонезию и отменил официальное употребление терминов «коренной» и «некоренной», чтобы стереть границы между коренными индо-

незийцами и этническими китайцами. В мае 1999 г. был снят запрет на использование и преподавание китайского языка в школах. К концу 1999 г. заметно возросла активность китайских бизнесменов на джакартской фондовой бирже.

После падения режима «нового порядка» участие китайцев в политической жизни Индонезии возросло, что выразилось в частности в создании организаций, которые отражали бы и защищали их интересы. Новообразованные организации, как правило, делятся на два типа:

1) «Интеграционистские» – выступающие за интеграцию китайцев в индонезийское общество, при сохранении их языка, культуры и традиции;

2) «Ассимиляционистские» – выступающие за полное «растворение китайцев» в индонезийском обществе.

Постсухартовский период для этнических китайцев в целом можно назвать достаточно благополучным. Сменявшие друг друга правительства постепенно отменяли законы, носившие дискриминационный характер. Появилась возможность в реализации прав и культурного возрождения. В феврале 2001 г. был снят запрет на ввоз книг, журналов и музыкальных записей на китайском языке⁷. В 2002 г. начали создаваться факультеты китаеведения в индонезийских университетах, появились центры по изучению культуры и традиций Китая. Китайцы получили право отмечать свои традиционные праздники.

Однако китайцы до сих пор чаще других сталкиваются с противоправными действиями чиновников, вымогательством за получение обычных документов или при записи детей в школу⁸. За медицинское обслуживание китайцам нередко приходится доплачивать из-за общественного мнения об их богатстве, а медицинский персонал может проявлять грубость и невнимательность.

Отметим, что до 1965 г. официальное название Китая по-индонезийски было «Tiongkok», а прилагательное «китайский» – «Tionghoa». При «новом порядке» практически официально было введено в обоих случаях «Tjina» (позже «Cina»), которое ранее было сугубо оскорбительным. В период реформ было изначально введено нейтральное «China», а затем официальные органы и СМИ вернулись к варианту досухартовской эпохи,

хотя некоторые органы печати и публичные деятели до сих пор демонстративно оперируют термином «Сіпа».

Выборы

Басуки Чахая Пурнама «Ахок» – первый этнический китаец, ставший губернатором Джакарты, и первый немусульманин, занявший этот пост за последние полвека. Выдвинутое против него обвинение в богохульстве подняло волну недовольств по всей стране, и пробудило радикальные исламские группировки, утверждающие, что выступают от лица всех мусульман. Неумолимая мстительность против губернатора, который вел кампанию за свой второй срок на предстоящих губернаторских выборах, исключительна по всем стандартам. Напомним, что Ахок был обвинен в богохульстве и осквернении ислама, когда на предвыборном митинге он попросил не поддаваться призывам исламистских лидеров, утверждающих, что Коран запрещает мусульманам подчиняться представителям других религий⁹. Некий пользователь Facebook по имени Буни Яни выложил выступление Ахока на своей странице в отредактированном виде. В результате его редактуры у читателя невольно складывалось впечатление, что губернатор Пурнама обвинял в ошибках не религиозных деятелей, а Коран и, следовательно, всю религию¹⁰. Сестра Ахока, Фифи Лети Индра, возглавляющая собственную команду юристов, утверждает, что ни один из свидетелей, которые давали показания против Ахока, не слышали, что он сказал на самом деле в своей предвыборной речи¹¹. Ахок не раз извинялся за свое высказывание и объяснял, что его слова вырвали из контекста, и он никогда не сказал бы ничего подобного. Однако консервативные группы мусульман не приняли его извинения.

Самого Буни Яни тоже ожидает суд. Ему предъявлено обвинение по статье 28 Закона об электронной торговле (Electronic Information and Transactions (ITE) Law), в котором содержится максимальное наказание в виде тюремного заключения сроком на шесть лет. Буни, о котором полиции Джакарты сообщили сторонники Ахока, сказал, что он загрузил видео только для обсуждения со своими друзьями в Facebook. Тем не

менее, Буни признался, что в ходе «редактирования» допустил искажение контекста речи Ахока¹².

Тем не менее, атмосфера в Джакарте оставалась напряженной. Массовые выступления против Пурнама придали его политическим противникам и исламским радикалам уверенность. При этом жертвой их гнева являлись не только христианский губернатор, но и китайцы, которые занимаются в основном бизнесом и финансами. Многие этнические китайцы с тревогой следили за событиями в столице. По их словам, такой напряженности не было с 1998 г., когда по всей стране прокатилась волна китайских погромов и кровавых столкновений между мусульманами и христианами.

По количеству ложных новостей Индонезия заняла одно из лидирующих мест на планете. Немало придуманных новостей было направлено против этнических китайцев. К примеру о том, что индонезийские китайцы объединились с сородичами из Китая и плетут с Пекином заговоры против Индонезии. А Китай намерен вторгнуться в Индонезию и пытается разрушить индонезийскую экономику при помощи «биологического оружия» — отравленных семян перца чили. Инцидент с перцем действительно имел место быть. В одном из отчетов по нарушениям со стороны иностранных граждан были указано, что нескольких китайцев поймали за посадкой перца чили, содержащего вредоносные бактерии¹³. Индонезийские власти заявили, что бактерии на семенах, изъятых на ферме в 60 км от Джакарты, безвредны для человека, но могут плохо сказаться на посевах¹⁴. Как заявил глава карантинного учреждения Индонезии, это был первый случай обнаружения подобной бактерии в стране. Событие сразу получило огласку в СМИ, которые поспешили сделать виновными четверых рабочих китайского происхождения, игнорируя тот факт, что тридцать остальных были индонезийцами. Посольство Китая в Индонезии, опровергнув подобные слухи, выразило тревогу по поводу количества искаженных СМИ фактов, касающихся этого вопроса¹⁵. Особенно по поводу новости про «биологическое оружие», которое отозвалось волной антикитайских волнений: «мы надеемся, что этот вопрос никак не затронет двусторонние отношения и дружбу народов Китая и Индонезии». Проблема китай-

ских мигрантов то и дело появляется в виде сообщений о ликвидированной подпольной деятельности или жалоб о том, что мигранты отнимают рабочие места у местного населения, а безвизовая политика, направленная на привлечение туристов, лишь способствует этому. Китай стоит на первом месте по таким нарушениям¹⁶.

На Восточной Яве из общего числа иностранных рабочих (3,460) 40% были из Китая. Они работали в промышленных районах и 44 из них не имели действующих разрешений. Министр трудовых ресурсов и миграции Мухаммад Ханиф Дахири заявил, что правительство делает все, чтобы контролировать компании, вербующие иностранных рабочих, но не выполняющие требования, обговоренные в регламенте¹⁷. Очень часто компании, нанимающие иностранных рабочих, у которых есть лицензии, в дальнейшем не проверяют их по истечении срока этих лицензий.

Президент счёл необходимым лично опровергнуть слухи о том, что в Индонезии работают несколько миллионов китайских рабочих-мигрантов. Реальное число их, по его словам, составляло 21 000. По его указанию полиция начала поиски распространителей этих слухов¹⁸.

Среди криков «кафир» (неверный) трудно было избежать впечатления, что протесты были частично подкреплены статусом Б. Пурнама как двойного меньшинства. Тревожно то, что это дело, похоже, использовали, чтобы возбудить антикитайские настроения с целью разжигания общественного недовольства.

Синофобные (антикитайские) настроения в Индонезии, несомненно, усугублялись тем фактом, что большинство китайских индонезийцев принадлежат к религиозным меньшинствам, особенно к христианству и буддизму.

И все же беспорядки, устраиваемые из-за скандала с Ахоком, не идут в сравнение с беспорядками 1998 г.

Газета «The Jakarta Post» 10 декабря 2016 г. опубликовала у себя интересное письмо одного из молодых участников Большого Протеста 212 (прошедшего 21 февраля), в защиту оскорбленных Ахоком чувств мусульман. В нем можно увидеть такие моменты:

«Дорогая тетя Дви,

Спасибо, что спросила, безопасно ли мне участвовать в Большом Протесте 212... Они говорят, что числа посылают нам знак, но не говорят, что они значат. На нашей улице под номером 212 живет мусорщик, и на его доме есть знак. Может в этом дело...»

В этом же письме автор рассказывает, что когда они ехали в автобусе, её подругу укачало, и её второй друг сделал колкое замечание по этому поводу, сказав, что виной всему демон, которого она проглотила. Когда ему ответили, что она съела только шоколад, он сказал: «Должно быть, китайский».

«...Каждые 10 минут кто-то давал мне ланч-бокс или просил помахать плакатом. Я не знаю, что на них говорилось, поскольку надписи были жуткими и красными с изображением заключенного, трясшего прутья решетки. Кто-то сказал, что его имя Ахок и он плохой человек, но изображение показало его просто грустным. Еще они сказали, что он китаец, но я думала, что если он родился здесь, разве это не делает его индонезийцем?...»¹⁹.

Изучая это письмо, можно сделать вывод, что не все участники протеста осознавали, что делают и против чего протестуют. Можно заметить, что есть и второй сегмент, который как раз разжигает нетерпимость. Во время протеста автор этого письма обмолвилась: «Боже мой», на что мрачный сосед сказал ей быть осторожнее с высказыванием, а то можно попасть в ад. Итак, можно наблюдать разделение на два лагеря, один из которых привержен «единству в многообразии», а второй продолжает подливать масло в огонь.

Китайскому меньшинству в Индонезии сейчас с одной стороны стало «легче дышать», но с другой они все так же дискриминируются, а иногда принимают слишком близко к сердцу то, что дискриминацией не считается. Например, когда Себастьян Уилли купил крошечный участок для строительства складского помещения, правительственные чиновники в центре острова Ява преподнесли ему неприятный сюрприз. Он не мог зарегистрировать покупку, так как земля принадлежала султану. Но он решил, что это все потому, что он был китайского происхождения. И тот факт, что семья мужчины уже несколько

поколений жила на этой земле не имел значения и не делал его «коренным индонезийцем». Однако в повседневной жизни, он не чувствовал никакого отличия: «я не чувствую, что обычные люди относятся ко мне по-другому из-за того, что я китаец. Мы прекрасно ладим»²⁰.

Сипут Локасари оказался в похожей ситуации. Его жена купила землю, чтобы открыть магазин рядом с аэропортом, но земля все равно не считалась принадлежащей им. Они должны были арендовать свою же землю у султана (там вся земля принадлежит султану), с чем они не согласились. Сипут, вместе с Себастьяном, пытались обратиться с этим делом непосредственно к правительству, но ответа так и не получили.

«Мы - меньшинство. И раньше была дискриминация, и хотя сейчас закон на нашей стороне, многие другие люди все еще боятся высказываться», сказал он²¹.

Другие местные китайские индонезийцы, пожелавшие сохранить анонимность, заявили, что у них были подобные проблемы, но они предпочли не высказываться публично, из страха навредить себе.

«Сейчас гораздо меньше дискриминации по отношению к гражданам китайского происхождения, чем в эпоху Сухарто, но здесь все еще нужно многое сделать, и это ощущается», - сказал Буди Сетьяграха (Budi Setyagraha), глава Джокьякартского отделения китайской мусульманской ассоциации Индонезии. «И это не только экономическая проблема, но и символическая. Мы все строили эту нацию, и все мы заслуживаем того, чтобы к нам относились одинаково»²².

Маргарета Диана, описывая собственный опыт, также выделяет некоторые острые углы в этом вопросе. Сама она родом из смешанной семьи, где отец был китайского происхождения. И несмотря на то, что она родилась в Индонезии, общество причисляло ее к китайцам. Делясь опытом, Маргарета рассказывает, что ее глубоко задевает такое положение. Ходят разговоры, что с китайцами нужно быть осторожней, а то они возьмут всю страну под контроль, как сделали это с экономикой (игнорируя тот факт, что многим предприятиям пришлось потрудиться, чтобы выжить и добиться определенного статуса); все китайцы в стране верны Пекину, они просто ждут своего

часа. Она не выбирала, где и кем ей родиться, и уж точно не плетет никаких заговоров. Она индонезийка по матери, но считается иностранкой. Маргарета говорит, что людям достаточно увидеть разрез глаз и больше они ничего не хотят знать. Закон о гражданстве 1945 г. и его изменения в 1958 г. (Закон № 62), должны были исправить проблему индонезийских китайцев, дав им гражданство. Однако получение такого гражданства уже тогда оказалось невероятно сложным. В результате, индонезийские китайцы по-прежнему считались иностранцами или потомками иностранцев, что не играло особой роли²³. Из-за религиозных различий смешанные браки были редки и юридически сложны, что лишь увеличивало дистанцию между коренным населением и китайским. Когда речь идет о школах, то 60% мест предназначены индонезийцам, а 40% иностранцам, и дети индонезийских китайцев, даже если они всю жизнь прожили в Индонезии, попадают в эти 40%. Маргарет переживает, что сложившийся образ толстосума-китайца, управляющего всем бизнесом, распространился на всех индонезийских китайцев, вне зависимости от реального положения дел. Она просто хочет мирно жить в своей стране, которая именуется Индонезией, а не КНР.

В среду 19 апреля 2017 г. губернатор Джакарты Б. Пурнама Ахок уступил сопернику Анису Басведану бывшему министру культуры и образования на втором туре губернаторских выборов, набрав 42%, в то время как Анис победил с 58%. После поздравлений победителя, Ахок призвал своих сторонников двигаться дальше и оставить позади выборы, которые, по оценкам многих, затронули самые острые и спорные вопросы²⁴.

После поражения Ахока, в мэрию Джакарты стали присылать множество букетов и других цветочных композиций, вскоре улица перед мэрией начала пестрить благодарственными посланиями и добрыми пожеланиями²⁵. Народ показал поддержку Ахока даже в его поражение. К вечеру 27-ого августа насчитывалось более 2 000 венков, и они были перемещены на центральную площадь города²⁶. «Цветочная дорога» перед мэрией стала настоящим магнитом, из-за которого и без того трудное движение на дороге стало почти непроходимым²⁷. Машины замедлялись, а люди стремились сделать лучший

снимок на фоне красочных плакатов. Цветочный рынок Западной Джакарты в этот период был перегружен заказами. Количество желающих выразить Ахоку благодарность за годы губернаторства оказалось огромным. Некоторые магазины даже вынуждены были закрываться раньше из-за переутомления сотрудников²⁸.

Ахок для большинства остался смелым и не коррумпированным государственным чиновником, который многое сделал для улучшения благосостояния народа. Его популярность вышла за пределы Явы, побудив людей приезжать с других островов, чтобы выразить ему поддержку. Например, жительница Джаяпуры в Папуа, потратив значительную сумму денег на билет, прилетела вместе с семьей в Джакарту, чтобы встретиться в Ахоком. Элизабет Меме Дасион приехала с Восточных Малых Зондских островов и прождала пять часов, прежде чем встреча с Ахоком состоялась²⁹. Мэрия превратилась в одно из популярных туристических мест, где люди стремятся сфотографироваться и поприветствовать своего кумира. Службе безопасности даже пришлось создать ряд правил, чтобы контролировать поток желающих встретиться с Ахоком. В мае, к печали многих, часть цветочных венков была сожжена. Кандидат на пост вице-губернатора Джакарты Сандиага Уно тоже выразил сожаления по этому поводу. Руководитель муниципальной полиции Джакарты Джупан Роитер (Jupan Royter) извинился за произошедшее, объяснив, что это часть плановой уборки улицы³⁰.

Нельзя точно сказать насколько обвинения в богохульстве повлияли на поражения Ахока. По данным опросов исследовательских групп, победа А. Басведана была ожидаема, так как он пользовался поддержкой таких коалиций, как партия Движение за Великую Индонезию, «Гериндра» и исламоориентированная Партия справедливости и процветания³¹, в то время как за Ахока выступали Демократическая партия Индонезии, Голкар и Партия единства и развития. Позднее политический деятель, генерал-лейтенант в отставке и главный покровитель партии «Гериндра» Прабово Субианто сказал, что победа А. Басведана была во многом обязана роли мусульманского духовенства, ко-

торая, по его мнению, была намного больше, чем роль политических деятелей на этих выборах³².

Тянувшееся ни один месяц судебное разбирательство по делу Ахока 9 марта завершилось тем, что Окружной суд Северной Джакарты признал его виновным в богохульстве и осудил на два г. тюремного заключения. Ахок, чей губернаторский срок окончится в октябре, заявил, что намерен обжаловать вердикт³³. Приговор суда противоречил обвинению, которое не содержало признания вины в богохульстве, а обвиняло в оскорблении улемов. У обвинения не было никаких прямых доказательств его вины, и оно настаивало на годе условного тюремного заключения с испытательным сроком два г.³⁴. Решение суда вызвало волну резонанса по всей стране, разделив людей на два противоборствующих лагеря: те, кто требует отмены приговора и те, кто согласен с решением, хотя были и те, кто не удовлетворен столь маленьким сроком. Партия «Гериндра» и Партия справедливости и процветания поддержали приговор, заявив, что он имеет убедительные юридические доказательства³⁵. Совет улемов Индонезии попросил народ уважать решение суда³⁶. Того же мнения придерживается президент Д. Видодо заявивший, что все должны уважать судебный процесс и верить в юридические механизмы решения³⁷, он добавил, что правительство не может вмешиваться в судебный процесс. Хотя до этого президент не скрывал своих симпатий к Ахоку, который был его замом на посту губернатора Джакарты. Сразу после объявления вердикта, министр внутренних дел Нидонезии Чахьо Кумоло назначил заместителя губернатора Джакарты Джарота Саифула Хидаят исполняющим обязанности губернатора. В своем выступлении Чахьо Кумоло пояснил, что целью назначения является предотвращение образования силового вакуума в городской администрации³⁸. Ч. Кумоло также сказал, что Д. Хидаят будет занимать эту должность, пока более высокий суд не отменит решение по делу Ахока, или до окончания его губернаторского срока.

Возмущение сторонников Ахока благодаря социальным сетям распространилось далеко за пределы Джакарты. Среди сообщений в Твиттере можно прочесть упреки в сторону правовой системы и удивление, что, учитывая сколько индонезий-

ских политиков заслуживают этого больше, к тюремному заключению приговорили именно Ахока. Малайзийский политик в своем сообщении указывал, что приговор глубоко обескуражил не только Индонезию, но и весь регион АСЕАН³⁹. Помимо сообщений на просторах интернета легко можно найти карикатурные рисунки, саркастически высмеивающие происходящее. В числе возмущенных решение и группа по защите прав человека «Amnesty International», которая заявила, что решение суда подрывает статус Индонезии, как толерантной нации и должен быть немедленно отменен⁴⁰. Согласно данным «Amnesty International», закон о богохульстве 1965 г. при президенте Сухарто применялся только к десяти людям. После 1998 г. это число увеличилось, и в период между 2005 и 2014 гг. количество людей, осужденных по закону, достигло 106⁴¹.

Тем не менее, даже если противникам Ахока удалось пробудить некие антикитайские и антихристианские настроения, они явно были намного слабее и не вызвали цепной реакции, которую можно было бы ожидать в 1990-х гг. С другой стороны, мы не знаем и уже не узнаем, что было бы в случае победы Ахока. Занятым фактом является то, что среди сторонников Басведана есть этнический китаец и миллиардер Хари Танусудибьо (Haru Tanoesoedibjo), но во время нападков на Ахока, Хари остался вне синофобных радаров, что может говорить о некой направленности и инструментальности этих волнений.

Антикитайские настроения, как и религиозные чувства, использовались группировками, боровшимися за весьма доходное место губернатора Джакарты. При этом самого Ахока никто не мог обвинить в коррупции и корыстолюбии. В то же время следует признать, что эти настроения оказались менее глубокими и взрывоопасными, чем в 1998 г., и это явное следствие демократических реформ, открытости (индонезийский синоним гласности), как бы сложно они ни развивались. Неоднозначное поведение КНР в Южно-Китайском море тоже не усилило эти настроения, и в ходе компании никаких выпадов в сторону Пекина не было.

Важной задачей для индонезийского правительства является необходимость контролировать антикитайские настроения, которые, хоть со временем и начали проявляться слабее,

но продолжают играть не последнюю роль в индонезийском обществе. Расовые проблемы – легкий способ породить различные виды конфликтов, особенно по религиозным вопросам. Поэтому религия не должна быть политизирована в пользу местных выборов, особенно в процессе кампании. Порой возникающие антикитайские движения являются умелым инструментом в руках политиков в борьбе за свои интересы и доходные места. Такие инструменты продолжают использоваться во внутриполитических целях и нередко вызывают опасения, что в случае обострения отношений с Китаем могут вспыхнуть новые беспорядки.

Демократия требует толерантности, и все должны быть в состоянии понять друг друга. Индонезия является красочной и разнообразной страной во всех отношениях, но только чувство единства способно помочь избежать раскола.

Дело Ахока стало очередным тестом на зрелость и устойчивость индонезийской демократии. Этот тест дал тревожные результаты, по крайней мере, в двух отношениях: сохранившаяся угроза радикального исламизма и отсутствие достаточной солидарности среди элиты, некоторые круги которой готовы ставить под угрозу идеалы демократии, национальное единство и конституционные нормы ради своих узких материальных и политических интересов.

¹ The Jakarta Globe, 19.12.2016.

² The Jakarta Globe, 19.12.2016.

³ The Jakarta Globe, 19.12.2016.

⁴ Reuters.com, 16.12.2016.

⁵ Koran Metro, 19.10.2016.

⁶ Astro Awani, 19.03.2017.

⁷ «How to be Chinese» Chang-Yau Hoon (University of Western Australia).

⁸ The Straits Times, 03.02.2006.

⁹ The Jakarta Post, 28.02.2017.

¹⁰ The Jakarta Post, 06.12.2016.

¹¹ Мировые Христианские Новости – МХН, 21.01.2017.

¹² The Jakarta Post, 06.12.2016.

¹³ REPUBLIKA.CO.ID, 20.12.2016.

- ¹⁴ Indonesia Expat, 28.12.2016.
- ¹⁵ Reuters.com, 16.12.2016.
- ¹⁶ REPUBLIKA.CO.ID, 20.12.2016.
- ¹⁷ REPUBLIKA.CO.ID, 18.12.2016.
- ¹⁸ suaramerdeka.com, 24.12.2016.
- ¹⁹ The Jakarta Post, 10.12.2016.
- ²⁰ Astro Awani, 19.03.2017.
- ²¹ Astro Awani, 19.03.2017.
- ²² Astro Awani, 19.03.2017.
- ²³ Tempo.co, 11.04.2017.
- ²⁴ The Jakarta Post, 19.04.2017.
- ²⁵ suaramerdeka.com, 26.04.2017.
- ²⁶ The Jakarta Post, 27.04.2017.
- ²⁷ Antara News.com, 26.04.2017.
- ²⁸ REPUBLIKA.CO.ID, 27.04.2017.
- ²⁹ The Jakarta Post, 29.04.2017.
- ³⁰ suaramerdeka.com 02.05.2017.
- ³¹ The Jakarta Post, 20.04.2017.
- ³² The Jakarta Post, 20.04.2017.
- ³³ The Jakarta Post, 09.05.2017.
- ³⁴ The Jakarta Post, 10.05.2017.
- ³⁵ The Jakarta Post, 09.05.2017.
- ³⁶ The Jakarta Post, 09.05.2017.
- ³⁷ The Jakarta Post, 09.05.2017.
- ³⁸ The Jakarta Post, 09.05.2017.
- ³⁹ The Jakarta Post, 09.05.2017.
- ⁴⁰ The Jakarta Post, 09.05.2017.
- ⁴¹ The Jakarta Post, 09.05.2017.